

стоярного идиостиля в целом, которые проявляются в отсутствии в письмах прецедентных текстов на иностранных языках и появлении новых групп источников цитирования.

Литература

1. Арбузова В.Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2007.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. : СПбГУ, 1999.
3. Гусева С.В. Семантика интертекстом «сильных» нелитературных текстов как отражение лингвокультурного сознания языковой личности (на материале эпистолярных текстов А.П. Чехова) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : труды и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та (Казань, 4–6 окт. 2004 г.) / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 215–216.
4. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М. : Либроком, 2011.
5. Парсамова В.Я. Языковая личность учебного в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
6. Харченко В.К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

Источники и принятые сокращения

- А – Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск : Изд. Сапронов, 2009.
- Г1 – Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 28 : Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. М. : Худож. лит., 1954.
- Г2 – Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 29 : Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926 гг. М. : Худож. лит., 1955.
- П1 – Пушкин А.С. Письма : в 3 т. Т. I : 1815–1826. М. : Захаров, 2006.
- П2 – Пушкин А.С. Письма : в 3 т. Т. II. 1827–1831. М. : Захаров, 2006.
- Т1 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах : в 20 кн. Т. XVIII : Письма. 1842–1881 гг. М. : Худож. лит., 1984.
- Т2 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах : в 20 кн. Том XIX : Письма. 1882–1899 гг. М. : Худож. лит., 1984.
- Т3 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах : в 20 кн. Том XX : Письма. 1900–1910 гг. М. : Худож. лит., 1984.
- Ч – Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 11 : Письма 1877–1892. М. : Гослитиздат, 1956.

Ш – Шолохов М.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10 : Письма. 1924–1984 гг. М. : Сов. писатель, 2005.

Peculiarities of functioning of precedent texts in Russian personal letters of the XIX-XX centuries

There are analyzed the peculiarities of precedent texts in personal letters of the Russian classical authors: sources, methods of inclusion of a precedent text into the letter and functions realized by the means of these methods. There are found out similar characteristics and differences in the use of precedent units in epistolary texts of different authors.

Key words: *idiostyle, spoken language, precedent text, figure of intertext, epistolary text.*

А.А. КУДРЯВЦЕВА
(Волгоград)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ В ФУНКЦИИ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ*

Исследование апеллятивизированных единиц в функциональном аспекте позволило установить, что они могут выступать в качестве семанτικο-стилистических синонимов по отношению к доминанте синонимического ряда; при этом они выполняют две функции – стилевой организации текста и дифференцирующую. Большинство подобных единиц образовано при помощи интертекстуально отмеченной прономинации, основанной на переосмыслении поэтонима или мифонима.

Ключевые слова: *апеллятивизация, прономинация, интертекстуальность, имя собственное, имя нарицательное, семантика, номинация, синоним.*

Явление апеллятивизации, т.е. перехода имен собственных (онимов) в разряд имен нарицательных (апеллятивов), является в русском языке достаточно частотным. Данный переход осуществляется на основе стилисти-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

ческого приема прономинативности – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [2, с. 227]. В результате образуются апеллативизированные единицы, которые мы называем прономинантами (прономинант – это семантический дериват, произведенный от онима). Лексической основой стилистического приема прономинативности являются имена собственные, при этом в данном качестве может выступать не всякий оним, а только прецедентное имя [4, с. 244]. В последние годы значительно возросло внимание отечественных языковедов к феномену прецедентных имен, а также к вопросу о семантической структуре онима, включающей компоненты, которые позволяют ему выступать в качестве апеллативизированной единицы. Эта проблема затрагивается в трудах М.В. Голомидовой, Д.Б. Гудкова, В.А. Лукина, В.П. Москвина, Е.А. Нахимовой, Е.С. Отина, И.Э. Ратниковой, О.В. Фроловой, Т.В. Хвесько и др. Использование в тексте прецедентных апеллативизированных единиц трактуется в современной лингвистической науке как проявление феномена интертекстуальности [5, с. 117].

Прием прономинативности является по своему предназначению способом создания экспрессивных синонимов к «обычным словам» [7, с. 66], т.е. к словам, нейтральным в оценочном и стилистическом планах; следовательно, прономинативность является одним из источников синонимии в современном русском языке. Вступая в синонимические отношения с апеллативами, прономинанты образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды. Мы выявили, что апеллативизированные единицы способны выступать в качестве синонимов четырех типов: стилистических, семантико-стилистических, семантических и оценочно-стилистических. Предметом рассмотрения в данной статье являются семантико-стилистические синонимы (подобные единицы составляют 20,6% нашей картотеки).

Как отмечают исследователи, в парах синкретичных синонимов члены парадигмы выполняют несколько функций и различаются не по одному, а по ряду параметров [1, с. 268]. Соответственно, семантико-стилистические синонимы выполняют две функции – стилистической организации текста и дифференцирующую. Приведем примеры. Так, в паре *заря* – поэт. *аврора* второй синоним означает ‘утренняя заря’ и уточняет время суток; в паре *хозяин* – книжн. *амфитрион* второй синоним

означает ‘гостеприимный хозяин’; прономинанты в приведенных примерах стилистически маркированы, а апеллативы имеют межстилевой характер. Наш материал показывает, что в парах семантико-стилистических синонимов прономинант, как правило, стилистически маркирован, а апеллатив стилистически нейтрален. Рассмотрим выявленные синонимические пары.

При участии прономинанта *Амфитрион* образовалась синонимическая пара *хозяин* – *Амфитрион* (*Амфитрион* – персонаж древнегреческой мифологии, царь Тиринфа. В комедиях Плавта и Мольера он изображен гостеприимным хозяином). Прономинант *Амфитрион* зафиксирован в русской классической литературе XIX в. как в поэзии, так и в прозе; используется он также в мемуарной прозе XIX–XX вв., а также в исторических романах, написанных в XX–XXI вв.

Обратимся к семантике данной единицы. Благодаря образу, созданному комедиографами, рассматриваемый прономинант приобрел значение ‘гостеприимный хозяин’. Данный факт отмечен словарями [6, т. 1, с. 159]. Примеры нашей картотеки подтверждают наличие у синонима *Амфитрион* различительной содержательной семы ‘гостеприимный’. Рассмотрим зафиксированные нами контексты.

Случаи использования прономинанта *амфитрион* в поэзии немногочисленны: *Амфитрион был предводитель. / И в день рождения жены, / Порядка ревностный блюститель, / Созвал губернские чины* (М.Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша); *Всю зиму наш амфитрион / Нас созывал в свои палаты...* (А.Н. Плещеев. П.И. Вейнбергу). Наличие в данном случае у прономинанта семы ‘гостеприимный’ подтверждается в следующем фрагменте стихотворения: *Но скоро нас лучи весны / Разгонят из столицы душной / По всем концам родной страны, / И мы с хозяином радушным / Пока расстаться все должны.*

Более распространена рассматриваемая единица в прозе, причем встречается она как в художественной, так и в мемуарной литературе: *Троекуров отдал полную справедливость винам своего амфитриона и искусству его повара* (А.С. Пушкин. Дубровский); *[Фердыщенко] стал говорить неподобные речи и, указывая на «деряжанного дела пушечку», угрожал своим амфитрионов перепалить* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города) (подтверждение того факта, что прономинант *амфитрион* употреблен здесь в значении ‘гостеприимный хозяин’, можно най-

ти в предтексте: пьяный градоначальник угрожал людям, которые перед этим угостили его обильным обедом); *Мы воротились довольно поздно домой, то есть на барку, куда внимательный амфитрион послал нам еще на дорожку большую корзину горячего, только что испеченного хлеба* (А.А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. 1850); *Гостеприимный помещик, вероятно, богатый, судя по обстановке дома, был очень рад гостям, упавшим к нему с неба, и доказал это как самый радушный амфитрион* (И.И. Лажечников. Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А.П. Ермолова», 1864); *Видимо довольная исполнением священного долга, радуясь приближению праздника, Габриэль обедала с аппетитом и тем большим, что ее амфитрион Цаметти потчевал ее любимейшими блюдами и лакомствами...* (П.П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий, 1871); *Затем в числе гостей Глинка пригласил к обеду некоего Каменского, большого мастера плясать лезгинку; кроме того, амфитрион позаботился также о винах* (С.А. Бабунов. Михаил Глинка. Его жизнь и музыкальная деятельность, 1892); Единичный пример, зафиксированный в мемуарной прозе XX в., отмечен в произведении, написанном человеком, родившимся в 1900 г. в дворянской семье и получившим классическое образование: *Как ни любезен был мой амфитрион, я сразу почувствовал, что откровенным быть не следует. Не из-за осторожности – порядочность Каплана не внушала сомнения, – но по ощущению принадлежности разным мирам* (О.В. Волков. Погружение во тьму. 1960-е гг.).

В XX–XXI вв. прономинант *амфитрион*, по нашим наблюдениям, используется в художественной исторической прозе как средство стилизации. Так, он отмечен в романе, действие которого происходит в Древнем Риме: *Он тоже впервые был в этом недавно построенном доме. – Скажи, Виктор, кто расписывал стены? Наш амфитрион приблизился, почтительно сжимая одну руку в другой, и не без гордости ответил: – Эрастобул и Пимий из Антиохии* (А. П. Ладинский. В дни Каракаллы, 1959), а также в повести, посвященной становлению медицины как науки в Европе XVI в.: *Хлебосольный амфитрион занял место во главе стола* (С.В. Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники), 2007).

Синонимы *хозяин* и *Амфитрион* можно противопоставить по двум параметрам. Во-первых, данные единицы различаются семан-

тически, т.к. прономинант *Амфитрион*, как было показано выше, используется при обозначении гостеприимного хозяина, а слово *хозяин* может номинировать человека как гостеприимного, так и наоборот. Во-вторых, анализируемые синонимы различаются сферой употребления: прономинант имеет ярко выраженную книжную окраску, а слово *хозяин* стилистически не маркировано.

Прономинант *Терпсихора* используется в качестве синонима слова *танцовщица* (в древнегреческой мифологии Терпсихора – муза танца). Рассматриваемый прономинант, как отмечают словари, имеет значение ‘искусная танцовщица’ [3, с. 308].

Данная единица использовалась в русской поэзии XIX в., например: *Пусть ищут, для кого я в лиру ударял / Когда поэтов в хоре / Российской Терпсихоре / Восторги посвящал* (Д.В. Давыдов. Элегия); *Узрю ли русской Терпсихоры / Душой исполненный полет?* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). Приведенные цитаты подтверждают, на наш взгляд, что прономинант *Терпсихора* содержит различительную содержательную сему ‘искусная’.

Немногочисленные случаи употребления прономинанта *Терпсихора* зафиксированы нами в современной публицистике. Так, один из разделов очерка Е. Хабарова «Замужем за Пикассо» озаглавлен *Терпсихора из кордебалета* (Совершенно секретно. 2003. 8 апр.). Автор рассказывает о русской балерине Ольге Хохловой, участнице знаменитой балетной труппы Сергея Дягилева, в которой, как известно, выступали выдающиеся танцовщики. Прономинант *Терпсихора* встретился также в телепередаче: *После рекламы на первом канале русская Терпсихора Анастасия Волочкова присоединится к нам. Оставайтесь с нами!* (обсуждение новой постановки «Лебединого озера» в Большом театре, программа А. Малахова «Добрый день», телеканал ОРТ, 1998). Наличие у прономинанта семы ‘искусная’ определяет, как нам представляется, тот факт, что Анастасия Волочкова — знаменитая балерина, заслуженная артистка России.

Синонимы *Терпсихора* и *танцовщица* различаются, во-первых, семантически, т.к. танцовщица может быть как искусной, так и неумелой; во-вторых, стилистически, поскольку прономинант *Терпсихора* является принадлежностью художественной (поэтической) и публицистической речи, а слово *танцовщица* стилистически не окрашено.

При участии прономинанта *Кассандра* образовалась синонимическая пара *предсказа-*

тельница – Кассандра (Кассандра – персонаж «Илиады» Гомера, троянская царевна, которая предсказала гибель Трои). Прониминант Кассандра отмечен в различных сферах. Он зафиксирован в исторической прозе XIX в., достаточно широко распространен в современной публицистике, встречается в интернет-общении. Большинство примеров нашей картотеки свидетельствуют о том, что на семантику данного прономинанта повлияла его внутренняя форма, а именно тот факт, что Кассандра предсказывала печальные события. Прониминант приобрел значение ‘предсказывающая плохое’. Приведем примеры.

В историческом романе популярного беллетриста конца XIX в. Д.Л. Мордовцева «Москва слезам не верит» (1885) Кассандрой автор называет Онисью, дочь градоначальника, предрекавшую, что город будет захвачен врагами: *Со стены видно было, как с московских судов, причаливших к берегу Вятки, ратные люди выкатывали на берег бочки со смолою, а другие складывали вдоль берега кучи сухой бересты. – Вишь, идолы, сколько березоваго лесу перевели для бересты, – сказал Лазорев. – Для чего она, батюшка? – спросила трепещущая Оня. – Нас жечь-поджигать, Онисья Ивановна, – отвечал Лазорев. <...> Оня упала перед отцом на колени и сложила, точно на молитву, руки. – Батя! Батюшка! – молила она. – Смири свое сердце! Пощади родной город, пощади нас, твоих кровных!.. Пропадет наш милый Хлынов!.. И дедушка Елизарушка говорит то же... ох, Господи! ...Так говорила хлыновская Кассандра, предвидя гибель родного города. Примечательно, что писатель вводит в текст и прямое сравнение с героиней «Илиады», поясняя причины, по которой называет свою героиню именно так: Там Кассандра пророчески оплакивала неминуемую гибель родного города. Здесь – своя Кассандра... Она тоже оплакивает неминуемую гибель родного гнезда. <...> Ревнивая княгиня поверила гнусной клевете и извела несчастную сироту отравным зельем. Да, это была наша Кассандра. Как ту, Кассандру «священнаго Илиона», погубила Клитемнестра, жена Агамемнона, так и нашу другая Клитемнестра (жена князя Щенятева).*

Приведем примеры использования прономинанта Кассандра в современной публицистике: *Я не хочу быть Кассандрой, но... Время идет, а мои опасения не перестают подтверждаться* (Cosmopolitan. 1996. №10); *Валерия Новодворская, эта современная Кассандра, предрекает скорую гибель демокра-*

тии (телепередача); Мой тогдашний шеф в сердцах назвал меня Кассандрой, потому что о возможном разорении фирмы я заговорила первая (Комс. правда. 1997. 17 марта); *Если этот трейдер не ошибается в своей 11-миллионно-долларовой ставке, то это может означать, что возможна «существенная коррекция» рынка в сторону понижения. Если она произойдет, «мы все будем наблюдать гигантские потери, которые могут взорвать рынок и через эффект домино затронуть всю финансовую сферу», осторожно выбирая выражения, пишет Doug Hagmann. По-русски это называется просто – «биржевой обвал». На данное выступление можно было бы и не обращать внимания – мало ли на свете Кассандр разного рода. Однако этот «звоночек» прозвенел как раз в тот период времени, когда на нью-йоркской бирже началось нечто не совсем обычное. Фигурально выражаясь, Уолл-стрит распродают* [8]. В последнем примере прономинант приобретает форму множественного числа, что является одним из показателей апеллятивизации.

Случаи использования анализируемой единицы отмечены и в интернет-общении, например: *У меня мама знает 1001 способ, как все будет плохо, и считает себя кассандрой <...>. Потеоретизировать за чашкой чая, как мы все умрем и как все плохо, очень любит* (пользователь machatte [9]).

В нашем материале встретились контексты, в которых прономинант Кассандра обозначает человека мужского пола. В первом случае речь идет о французском революционере Марате: *Робеспьер ужаснулся при мысли о том, какая мощь сосредоточена в руках этого страшного человека. Не обладая громовым голосом Дантона, завораживающей речью Мирабо, блистательным остроумием Демуллена, он умел держать в своих руках весь Конвент. Почему так? <...> Потому что он умел предвидеть! <...> Он все предсказывал: измену Дюмурье, бегство короля, исчезновение хлеба... Кассандра Революции! По злой прихоти судьбы он в точности повторил путь греческой прорицательницы. Так почему мы не слушали его? Почему мы с Дантоном защищали Дюмурье в то время, как Марат его неуклонно разоблачал? Боже, как он был прав, твердя, что следует убить сто тысяч французов, чтобы потом не погиб миллион невинных! Нам бы прислушаться к нему и кончить дело еще 14 июля... (Знание – сила. 2003. №2).* Во втором случае рассматриваемая единица встречается в интервью с Годдом Эммануэлем, фран-

цузским антропологом, историком, политологом: *Я, конечно, не Кассандра, но так уж получилось, что как раз 30 лет назад, а мне в ту пору было 25 лет, я предположил, что СССР как единое социалистическое государство исчезнет* (Труд-7. 2006. 11 янв.): ученый говорит о том, что его плохое предсказание сбылось. Подобные примеры, возможно, могут свидетельствовать о синонимическом сближении прономинанта *Кассандра* со словом *предсказатель*, при этом сема 'предсказывающий плохое' сохраняется.

Следует отметить, что данная сема у прономинанта встречается не всегда. Например, в предложении *Если бы еще два года назад кто-нибудь мне предсказал, что я свяжу жизнь с человеком вдвое младше себя, я бы этой Кассандре ни за что не поверила* (Вечерний Волгоград. 1998. 13 марта) рассматриваемый прономинант не имеет значения 'предсказывающая плохое', т.к. далее идет рассказ героини о счастливой жизни с молодым избранником. Впрочем, подобный случай единичен.

Таким образом, прономинант *Кассандра* в плане семантики отличается от слова *предсказательница* тем, что имеет значение 'предсказывающая плохое', тогда как предсказательница может напророчить и плохое, и хорошее. Однако дифференциация синонимов по этому параметру, как было показано выше, не является жестко закрепленной. Анализируемые единицы различаются также стилистически, т.к. прономинант принадлежит к сфере художественной речи и публицистики, а слово *предсказательница* имеет межстилевой характер.

В качестве примера семантико-стилистических синонимов можно также привести синонимический ряд *ветер* — поэт. *Зефир*, *Борей*, *Аквилон* (*Зефир* — греческий бог западного ветра, *Борей* — греческий бог северного ветра, *Аквилон* — римский бог северного ветра). Прономинанты функционируют в русской поэзии XIX в.

Прономинант *Зефир* традиционно используется в значении 'приятный, легкий ветер'. Это подтверждается множеством примеров: *Дотронешься к лесам — и древесна пустеют / Не зефир между их, но бурный ветр свистит* (А.А. Дельвиг. Дщерь хладна льда!..) (доказательством наличия у прономинанта семы 'легкий' служит наличие в тексте противопоставления); *Дышит влагою прохладной / Упоительный зефир* (А.И. Полежаев. Романсы) (эпитет *упоительный* может быть использован, только если речь идет о легком, приятном

ветре); *Но я — не к счастью пробужден / Зефира тихими крылами* (К.Н. Батюшков. Пробуждение); *Как тихо веянье зефира по водам / И гибкой ивы трепетанье* (В.А. Жуковский. Вечер); *...По синеве морей / Зефир скользит и тихо веет* (А.С. Пушкин. Земля и море); *Оставь, о Дорида, на стебле лилею; / Она меж цветками прелестна, как ты: / Пусть тихо зефиры колеблются с нею / И рой легкокрылый собирает соты* (А.А. Дельвиг. Лилея); *Зефир цветы едва целует* (П.А. Вяземский. Отложенные похороны).

Прономинант *Борей* употребляется в значении 'неприятный, холодный ветер': *Сокрылось солнце — и ужасной / Борей завыл в стране, где все животворил / Зефир дыханьем благодатным* (В.Л. Пушкин. Гнев Зевеса) (ср.: *легкий, приятный ветер завыл); *И мразы бурные от дремоты проснутся / И ратовать Борей на землю полетит* (А.А. Дельвиг. Дщерь хладна льда!..) (употребленное поэтом слово *мразы* свидетельствует о том, что речь идет о зиме, когда дуют только холодные ветры); *Вослед, метелями повита / Зима с бореями придет* (А.А. Дельвиг. Настанет час ужасной брани...); *Бывало, ни Борей / Суровый... / Ни снег и дождь — ничто неймет его* (Н.М. Языков. Элегия); *Бореи свищут, прах метут; / Листочки розы побледнели* (Д.В. Давыдов. Чиж и Роза) (ср.: *легкие, приятные ветры свищут); *И листья на другом [деревце], размокнув и желтея, / Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борей* (А.С. Пушкин. Румяный критик мой...) (то, как описаны листья, свидетельствует о том, что поэт говорит об осени, когда ветры становятся холодными).

Прономинант *Аквилон*, как и слово *Борей*, имеет значение 'неприятный, холодный ветер'. Данный факт можно подтвердить рядом примеров: *Зачем ты, грозный аквилон, / Тростник прибрежный долу клонишь? / Зачем на дальний небосклон / Ты облачко столь гневно гонишь?* (А.С. Пушкин. Аквилон) (к приятному, легкому ветру не может быть применен эпитет *грозный*); *И аквилон в широком поле / Останки Рима разнесет* (А.И. Полежаев. Гимн Нерона) (ср.: *легкий ветер разнесет останки Рима).

Таким образом, прономинанты *Зефир*, *Борей* и *Аквилон* отличаются от доминанты синонимического ряда по двум параметрам: во-первых, стилистически, т.к. функционируют в поэтической речи, а доминанта стилистически не окрашена, а во-вторых, семантически: *Зефир* — 'приятный, легкий ветер', *Борей* и *Аквилон* — 'неприятный, холодный ветер', значе-

ние же доминанты шире, т.к. ветер может быть холодным и теплым, приятным и неприятным, тихим и ураганным и т.п.

В заключение отметим, что, по нашим наблюдениям, прецедентные апеллативизированные единицы (прономинанты) способны выступать в качестве синонимов четырех типов: стилистических, семантико-стилистических, семантических и оценочно-стилистических. В количественном отношении прономинанты, являющиеся стилистическими синонимами доминанты, составляют 71,2%, семантико-стилистическими синонимами – 20,6%, оценочно-стилистическими синонимами – 7,4%, семантическими синонимами – 0,8% рассмотренных единиц.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Волгоград : Перемена, 1998.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М. : Сов. энцикл., 1966.
3. Макаров В.И., Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней: словарь лексических трудностей художественной литературы. М. : Былина, 1993.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М. : ЛЕНАНД, 2006.
5. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
6. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
7. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М. : Аспект-Пресс, 1996.
8. Это странное слово «Секвестр» // Блог Сергея Филатова. 2013. 1 апр. URL : <http://serfilatov.livejournal.com/947502.html>.
9. Girls-only-off : сообщество. URL : <http://girls-only-off.livejournal.com/4335390.htm>.

Use of appellative units in the function of semantic and stylistic synonyms

Research of appellative units in the functional aspect made it possible to state that they can be semantic and stylistic synonyms in relation to the dominant of a synonymic row; meanwhile they fulfil two functions – style organization of a text and differentiating. Most of such units are created with the help of intertextually marked pronomination based on rethinking of poetonym or mythonym.

Key words: *appellativization, pronomination, intertextuality, proper noun, common noun, semantics, nomination, synonym.*